

Анна и Сергей Литвиновы

Рождество – 1840



*Часть сборника
Рождественский детектив
(сборник)*



Анна и Сергей Литвиновы
Рождество – 1840

«ЭКСМО»

2009

Литвиновы А.

Рождество – 1840 / А. Литвиновы — «Эксмо», 2009

«Сколько же нынче развелось детективов! Шагу не ступишь, чтоб в него не вляпаться. Телевизор включаешь – а там криминал, книгу откроешь – следствие, в газете – происшествия, в журнале – из зала суда... Иное дело прошлые времена! Преступлений случалось мало – да и немудрено. Ведь в ту пору честь значила больше богатства, клятву держали ценой собственной жизни, а удар исподтишка столь же тяжело было представить, как и железных птиц, сбрасывающих бомбы на мирные селения...»

© Литвиновы А., 2009

© Эксмо, 2009

Анна и Сергей Литвиновы

Рождество – 1840

Сколько же нынче развелось детективов! Шагу не ступишь, чтоб в него не вляпаться. Телевизор включаешь – а там криминал, книгу откроешь – следствие, в газете – происшествия, в журнале – из зала суда...

Иное дело прошлые времена! Преступлений случалось мало – да и немудрено. Ведь в ту пору честь значила больше богатства, клятву держали ценой собственной жизни, а удар исподтишка столь же тяжело было представить, как и железных птиц, сбрасывающих бомбы на мирные селения...

А если уж убийство и происходило, молва о нем еще долго передавалась из уст в уста и становилась легендой, семейным преданием – как и сия история, что поведала нам наша бабушка, а ей, в свою очередь, рассказала прабабушка.

Ужасное происшествие случилось в снежную, холодную зиму, в самом начале 1840 года, второго января, акkurat на Святки.

Святки! Веселые деньки, начиная с Рождества до Крещения. Короткое время российского карнавала. Ряженые, гадания, маски... Торжество легкой чертовщинки и радостного греха... (Потом мелкие грешки, вроде гадания в бане, смывали с себя в ледяных крещенских купелях.)

Бедный праздник! Его отменили большевики вместе с Богом и новогодними елями. Однако и нынче Святки, в отличие от елок и Рождества, – напрочь утраченная и никак не возобновляющаяся традиция. И мы не веселимся в изнурительно длинные новогодние каникулы, не карнавалим, как в Венеции и Рио (с поправкой на зиму), – а тихо угасаем с первого по тринадцатое, оплывая над тарелками с «оливье», под бубуканье телевизоров...

Но вернемся в самое начало года 1840-го. Итак, в центре Руси стояла снежная морозная ночь со всеми сопутствующими причинами: хрустальными звездами, белейшим снегом и морозцем под двадцать градусов по шкале Цельсия.

В посеребрённый январский вечер к крыльцу усадьбы графа Павла Ивановича О-ского подкатили две изукрашенные тройки. Из них вывалилась развеселая компания: шубы, маски, тулупы навыворот, насурмленные или пачканые сажей лица. Раскрасневшиеся мужчины с заиндевевшими усами, барышни с освеженными ледяным ветром лицами... Хохоча, группа прибывших господ, оттеснив изумленного лакея, ввалилась в дом.

Надо сказать, что Павел Иванович О-ский жил анахоретом. Отставной адмирал, наследник огромного состояния, он безвылазно, зимой и летом, проводил время в своей усадьбе Никольское, редко появляясь даже в уезде, не говоря о губернии. Москву же и столицу он и вовсе не жаловал. Злые языки утверждали: оттого, что прячет О-ский от нескромных и лукавых глаз свое главное сокровище, кое он ценил превыше миллионного состояния.

Сокровище звалось Марьей. Свежеиспеченная графиня О-ская личико имела ангельское, глазки – голубые, нрав – кроткий. Играла на клавикордах, пела божественно – как рассказывали те, кому доводилось слышать Марию Николаевну до замужества. (После свадьбы-то приемов граф не устраивал, сам на балы не ездивал и визитов не делал.) Еще одним достоинством юной графини в чреде других, столь же неоспоримых, была юность. Она была моложе своего супруга едва ли не вдвое. Бесприданница Мария Николаевна, как справедливо полагало общественное мнение, вышла за Павла Ивановича ради его миллионов и связанного с ними *комфорта*. Однако тем немногим гостям, кто все-таки попадал в дом О-ских, отнюдь не казалось, что юная графиня, похоронившая рядом со стариком, в глуши, свою молодость и красоту, есть несчастная жертва собственной алчности. Напротив, она была с Павлом Ивановичем всегда

более чем любезна. Те, кого все-таки изредка принимали у О-ских, замечали теплые взгляды, бросаемые Машенькой на своего супруга; ласковые пожатия рук и любовную интонацию, с коей говорила она в третьем лице о графе: «*мой Пашенька*». А сестрам своим и подругам она поведывала в душевных разговорах, что совершенно счастлива с Павлом Ивановичем, что не променяла бы его ни на какого юного красавца, что ей с графом, даже и в деревне, никогда не бывает скучно. «Мой Пашенька столько всего знает! – с восторгом говорила она. – Он так много видел, пережил. Неведомые земли, туземные племена, чужие обычаи... Диковинные звери, неистовые бури, нападения пиратов... Знаете ли вы, к примеру, где остров Борнео? А он и там побывал, и в Африке, и даже на мысе Горн... Мой Пашенька два раза земной шар обогнул!.. А как он интересно рассказывает! Его я готова слушать бесконечно. Бывает, сядем – я с пальцами, он с трубкой, и Павел Иванович начинает говорить, и всякий раз ведь новое – заслушаешься!.. А кроме того, – понижала юная графиня голос, – он ведь любит меня и, значит, балует. Все прихоти мои исполняет, и иначе, как «душечка Мария Николаевна», не называет. На руках меня носит».

В то, что граф О-ский способен, даже и в буквальном смысле, носить супругу на руках, верилось легко. Мужчина он был статный, весьма подтянутый. Несмотря на седую, как лунь, голову, Павел Иванович нимало не походил на обрюзгшего, доживающего свой век старика. Утро он начинал при всякой погоде ванной со льдом, затем велел седлать любимого каурого и отмахивал верст десять-пятнадцать верхом. Упражнялся на рапирах, стрелял без промаха. И сам, не полагаясь на управляющих, вел хозяйство, вникая во все тонкости, отчего состояние его не только не уменьшалось, но и преумножалось.

В описанное время в доме О-ских проживали также сестры Марьи Николаевны – Елена и Ольга. Обе старше, чем Машенька, обе такие же, как она, бесприданницы. Юная графиня мечтала составить их счастье, и супруг, во всем ей потакавший, даже взялся поспешествовать сим планам – ради чего, против обыкновения, начал в последнее время выезжать в гости к соседям вместе со своим (как он говорил) выводком. А после Крещения был намечен отъезд всего семейства, первый после замужества Маши, в Москву – на ярмарку невест, как справедливо заметил поэт. Ради жены и любви к ней граф готов был даже поступиться своей тягой к уединенной жизни и вероятными муками ревности, которые, как он предчувствовал, придется ему испытать, лицедрея прехорошенькую Марью Николаевну на балах и в салонах в виду статных кавалергардов, молодых блестящих полковников и вдохновенных повес.

Слух о том, что дом О-ских приоткрылся, распространился по всей округе. Тем и воспользовались нынче незваные святочные гости. Румяные с мороза, они ввалились в огромный дом О-ских.

Явление ряженных вызвало переполох. Немедля было доложено старому графу, который как раз читал доставленный ему из Петербурга список пьесы Николая Гоголя «Ревизор» и хохотал, утирая слезы. Павел Иванович, узнав о визите, распорядился тут же одевать его, а также подавать угощение.

На короткое время незваные соседи остались в гостинной одни. Карнавальное веселье отчасти было сбито заминкой, и пятеро визитеров с интересом и некоторой опаской рассматривали убранство комнаты. А здесь было на что посмотреть. На специальном столике возвышался выполненный со всею тщательностью огромный макет шлюпа, на котором бороздил океаны отставной адмирал. Рядом помещался глобус вышиной в человеческий рост. Стены были украшены шкурами леопарда и зебры, головами бизона и антилопы. Подле размещались оскаленные индейские маски, туземные луки, стрелы, копья... На полках специально изготовленного застекленного шкапа лежали слоновьи бивни, кости, травы, стояли многочисленные сосуды – на некоторых из них рукописные облатки с черепом и перекрещенными костями строго возвещали: «ЯДЪ». Ряженные гости – а многие оказались в кунсткамере О-ских впервые – с восторгом и любопытством переходили от экспоната к экспонату.

И тут юная графинюшка, несмотря на то что одета и причесана она была по-домашнему, радостно вбежала в гостиную.

Визитеры, коих насчитывалось пятеро, оказались теми людьми, которых особенно рада была видеть Марья Николаевна. Несмотря на костюмы, в кои те были ряжены: гусара, татарчонка, дворника, медведя, венецианского дожа, – догадаться о том, кто скрывается под нарядами, труда не составило. Все гости прибыли из имения Образцово, отстоявшего на двадцать пять верст от Никольского, и представляли обитавшую там богатую и хлебосольную фамилию К-ных.

Именно там, в Образцове, в семье К-ных, провела свое детство графиня Марья (и две ее старших сестры). Именно там нашли они кров, заботу и пищу – а порой и обиды, горести и слезы, доставляемые им старой и деспотичной бабулечкой, княгиней К-ной. С именем К-ных были связаны первые впечатления и опыты жизни Марьи Николаевны. Там учили ее чтению, французскому и музыке, там играла она в куклы и прятки, там... Ах, сколько больших и маленьких воспоминаний, радостей, вдохновений, открытий, связанных с Образцовом и его обитателями, хранила память юной графини!..

Она бросилась на шею гусару и татарчонку – своим подругам, сестрам Соне и Наталье К-ным. Легким поклоном головы приветствовала троих молодых людей (дворника, медведя, венецианского дожа), притом щеки ее при виде мужчин (а может, лишь одного из них) вспыхнули пунцовым цветом.

Тут явился в гостиную успевший переодеться старый адмирал. При виде гостей, особенно мужской их части, лицо его на мгновение исказила гримаса неудовольствия и даже досады, однако благовоспитанность победила, и граф приветствовал соседей с истинно русским радушием.

У Павла Ивановича имелась веская причина не любить если не всех представителей семьи К-ных, то, по крайней мере, двоих из числа святочных визитеров.

Один из них, француз Лагранж, давно стал в Образцове своим человеком и воспринимался уже как член фамилии. Он был учителем княжеских дочерей: Сони и Натальи, а также их старшего брата Николая. А заодно обучал и трех сестер – бедных родственниц: Марью, Елену, Ольгу. Что заставило его прибыть в холодную Россию – никто доподлинно не знал. Романтически настроенные особы утверждали, что в пору французской революции тридцатого года он выступил против герцога Орлеанского, будущего короля Луи-Филиппа, и потому был принужден бежать из страны. Но злые языки утверждали, что причиной его бегства явилось шулерство, коим на родине промышлял француз, – однако никаких тому подтверждений не имелось, а карт Лагранж и вовсе не брал в руки. Как бы то ни было, в семействе К-ных учителем оказались довольны. В отличие от многих своих малообразованных соотечественников, прибывших в Россию в поисках легкого заработка, Лагранж, по счастью, был подлинным энциклопедистом. Вдобавок он обладал счастливым искусством донести, в занимательной и легкой форме, широту своих познаний до юных воспитанников. Детей он учил не только языку, чистописанию и математике. Лагранж преподавал им азы стихосложения, музыкальной гармонии, живописной композиции. А сколько часов проводили они в прогулках по парку и близлежащим лесам, составляя гербарии, наблюдая и описывая повадки птиц, зверушек, насекомых! Сколько книг, порой опасно волнующих, прочли барышни благодаря рекомендациям француза!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.